

Константин Михайлович Станюкович

ЕЛКА

I

В этот поистине «собачий» вечер, накануне сочельника, холодный, с резким леденящим ветром, торопившим людей по домам, в крошечной каморке одной из петербургских трущобных квартир подвального этажа, сырой и зловонной, с заплесневевшими стенами и щелистым полом, мирно и благодушно беседовали два обитателя этой каморки, попивая из кружек чай и закусывая его ситником.

Эти двое людей, чувствовавшие себя в относительном тепле своего убогого помещения, по-видимому, весьма недурно, были: известный трущобным обитателям под кличкой «майора» (хотя «майор» никогда в военной службе не служил) пожилой человек трудно определимых лет, с одутловатым, испитым лицом, выбритым на щеках, с небольшой, когда-то рыжей эспаньолкой [1], короткой седой щетиной на продолговатой голове и с парой юрких серых глаз, глядевших из-под нависших, взъерошенных бровей, и приемыш-товарищ «майора», худенький тщедушный мальчуган лет восьми-девяти с бледным личиком, белокурыми волосами и оживленными черными глазами.

Мальчик только что вернулся с «работы», прозябший и голодный, и, утолив свой голод горячими щами и отогревшись, рассказывал майору о тех диковинах, которые он видел в окнах магазинов на Невском, куда он ходил сегодня, по случаю ревматизма, одолевшего «майора», надоедать прохожим своим визгливым, искусственно-жалобным голоском: «Миленький барин! Подайте мальчику на хлеб! Миленькая барынька! Подайте милостинку бедному мальчику!»

Майор с сосредоточенным вниманием слушал оживленный рассказ мальчика, переполненного впечатлениями, и по временам ласково улыбался, взглядывая на своего сожителя с трогательной нежностью, казавшейся несколько странной для суровой по внешнему виду наружности майора.

– Так ты, братец, находишь, что эта елка очень хорошая? – спрашивал майор своим сиплым, надтреснувшим баском, наливая мальчику новую кружку чая.

– Страсть какая хорошая, дяденька! – с восторгом воскликнул мальчик и лениво отхлебнул чай.

– Какая же она такая? Рассказывай!

– Большущая... а под ей старик весь белый-пребелый с длинной бородой... а на елке-то, дяденька, видимо-невидимо всяких штук... И яблоки... и апельсины... и фигуры... И вся-то она горит... свечей много... И все вертится... Я так загляделся на нее, что чуть было черта-фараона не прозевал... Однако, небось, вовремя дал тягу! – с веселым смехом прибавил мальчик и плутовато сверкнул глазами.

– А зязяб очень?

– Зябко было... Главная причина: ветер! – проговорил, напуская на себя серьезный, деловитый вид, мальчуган с черными глазами. – А то бы ничего... Два раза бегал чай пить... Да работа была неважная... Всего тридцать копеек насобрал... Погода!.. Вот что завтра бог даст!

– Завтра ты не ходи! – после минутного раздумья сказал майор. – Завтра я выйду на работу!

Это известие, по-видимому, не особенно обрадовало мальчика, и он заметил:

– Да ведь ты нездоров, дяденька.

– За ночь нога отойдет. А ты не ходи! – внушительно повторил майор. – Нечего шататься, да и заболеть по этой погоде недолго. Ты ведь у меня дохленький! – прибавил майор. – И то сегодня в своей кацавейке, небось, попрыгал... Никак уж простудился?

И с этими словами майор, одетый в какую-то обтрепанную хламиду, заменявшую халат и покрывавшую его бурое голое тело, поднялся с табурета и приложил свою вздрагивавшую, грязную, но маленькую, видимо дворянскую руку к голове возбужденного и покрасневшего мальчика.

– Ишь... горячая! – сердито проворчал майор и спросил: – Болит?

– Не болит!

– И нигде не болит? Смотри, Федя, говори правду.

– Вот-те крест, нигде не болит! Только будто жарко немного.

– А ты спать ложись. Я тебя укрою. Выспишься, и ладно будет!

Мальчик послушался и, сняв с себя навернутое тряпье, лег на постель, устроенную из пустого большого ящика, поверх которого лежал соломенный тюфяк. Майор заботливо укрыл ребенка рваным одеялом и своим так называемым «пальто», изображавшим собой нечто рыжее, неизвестно какой материи.

– Ну спи, спи теперь.

– А ты?

– И я скоро лягу.

Несколько минут в маленькой каморке, освещенной скупым светом небольшой лампочки, царил тишина. Майор сидел на своем табурете у кривоногого стола, погруженный в какие-то думы.

Товарищу его не спалось. Голова его полна была впечатлениями сегодняшнего дня, и он проговорил:

– Дяденька!

– Что тебе?

– А должно быть, такая елка дорого стоит?

– А ты думал дешево? – усмехнулся майор.

– То-то я и говорю. Поди, рублей десять.

Майор вместо ответа протяжно свистнул.

– Двадцать, что ли?

– И сто платят.

– Ишь ты. Богатые покупают?

– Да, брат. Нам с тобой такой елки не купить. А ты спи лучше!

– Не хоцца, дяденька...

– А ты все спи.

Мальчуган замолк и вздохнул.

Тем временем майор стал считать небольшую кучку медных денег, лежащую на столе. Оказалось всего сорок две копейки. Майор задумчиво покачал головой и тоже вздохнул.

– А у тебя была елка, когда ты был маленький? – снова заговорил мальчик.

Этот неожиданный вопрос, по-видимому, возбудил в майоре кучу воспоминаний из далекого прошлого, представлявшего такой резкий контраст с настоящим. Счастливое детство пронеслось перед ним каким-то светлым, радостным призраком и потонуло во мраке позднейших лет постепенного падения, воровства, пьянства и нищеты.

И он раздумчиво ответил:

– Была.

– Каждое Рождество была?

– Да... В сочельник всегда была...

– И хорошая?

– Чудесная... вроде той, какую ты сегодня видел...

И майор, невольно увлеченный нахлынувшими воспоминаниями, стал подробно рассказывать, какие у него бывали елки, и как он, одетый в шелковую красную рубашку, танцевал и веселился вместе с другими детьми, такими же нарядными, и сколько было на елке игрушек, фруктов и конфет, и как их раздавала его мать, красивая, статная барыня...

Мальчик слушал, как очарованный, словно сказку, этот рассказ, наполовину правдивый, наполовину прикрашенный фантазией павшего человека, желавшего осветить лучезарным блеском хоть далекое прошлое.

И, когда майор замолк, мальчик несколько минут спустя спросил:

– Это ты, дяденька, все наврал? У тебя таких елок не было?

– Были!.. – ответил майор.

– Ну? – с сомнением протянул мальчик.

Майор понял, почему сомневался его товарищ, и пояснил:

– Прежде я, Федя, богатый был...

– Ишь ты... А теперь, значит, нищий! – недоумевал мальчик и вдруг грустно проговорил: – А у меня так никогда елки не было!

– А ты хотел бы елку?

– А то нет?

– Так, может, и у тебя будет елка! – решительно произнес майор, и его сиплый басок зазвучал нежностью.

В ответ на это мальчик недоверчиво усмехнулся, словно бы хотел сказать своему старому сожителю: «Ври, дяденька, больше!»

– Однако довольно-то нам языки чесать. Давай лучше, братец, спать.

И, потушив лампочку, майор улегся на свою убогую койку, прикрывшись всем своим гардеробом.

В скором времени мальчик заснул, и громкое его дыхание раздавалось среди тишины. Но майор долго еще кряхтел и ворочался на жестком ложе. Мысль об елке для этого бездомного сироты, скрасившего печальные дни горемычной жизни майора, гвоздем засела в его голове. Недаром же он, старый пропойца, так привязался к маленькому существу и излил на него всю любовь своего сердца. Недаром же он стал менее пить с тех пор, как этот сирота был взят им от пьяной, развратной бабы, тетки мальчика, которая его била и с охотой отдала майору. И мальчик скоро полюбил своего доброго товарища и пестуна, никогда не обижавшего своего «дохленького» маленького приемыша...

Разные планы о том, как добыть рубля два-три, чтобы устроить завтра елку, бродили в голове майора и казались несбыточными. Надежды на его засаленное прошение, с которым он ходил иногда по домам и в котором изъяснялись беды престарелого майора, отца многочисленного семейства, раненного на войне, казались слишком рискованными, ввиду скептицизма петербуржцев, бессердечия швейцаров, торчащих перед праздниками у дверей, и ввиду собственной его, далеко не респектабельной наружности, в особенности его сиво-багрового мясистого носа, не внушавшего большого доверия... А эти уличные подачки слишком малы, чтобы набрать такую сумму, какая требовалась.

Но чем более казались недостижимыми мечты майора об елке, тем сильнее загоралось желание осуществить их и доставить радостный сюрприз единственному в мире существу, привязанному к нему, давно всеми забытому и презираемому.

И майор заснул наконец беспокойным, тяжелым сном, но полный решимости, словно Наполеон перед Бородинской битвой.

II

Собрался он в поход рано утром, когда его маленький товарищ еще сладко спал. Перед тем майор, при свете лампочки, привел свою физиономию в возможно приличное состояние, закрутил усы по-военному и преобразился в раненого, т.е. подогнул колени и привязал его к деревяшке. После того он осторожно снял с мальчика свое пальто, накрыв спящего халатом, натянул пальто сверх дырявой жилетки, прикрывавшей голую грудь, повязал шею большим шерстяным шарфом и надел картуз с большим козырем. В общем получался военный вид,

что и дало бывшему когда-то чиновнику кличку «майора»...

Квартирная хозяйка, бойкая вдова городского, уже возилась у плиты, когда в кухне появился майор.

– Что так рано, майор? – спросила она.

– Сами знаете... праздники... – сосредоточенно ответил майор, прикладываясь к козырьку и уже входя в роль военного человека. – Да и привык на службе-то рано вставать. Служба царская, сами понимаете!

Он вручил хозяйке пятнадцать копеек и, наказав купить ситника к чаю и накормить обедом мальчугана, попросил передать ему, чтобы он не выходил никуда из дому, пока майор не вернется, и вообще присмотреть за мальчиком, если он сделается нездоров.

– И то вчера прозяб! – прибавил он и, галантно приложившись к козырьку картуза, вышел вон.

Утро стояло морозное, такое же ветреное, как вчера, и прохватывало майора. Но он, казалось, не обращал на это внимания и твердыми, бодрыми шагами, серьезный и решительный, шел по направлению к кабаку, где был завсегдаем. Войдя туда, он молча раскланялся с заспанным сидельцем, выпил стаканчик водки, крякнул и конфиденциально шепнул ему:

– А я к вам, Иван Филиппыч, сегодня с маленькой просьбой.

– Какая же будет ваша просьба, майор? – отвечал краснощекий ярославец.

– Тут есть одно обстоятельство... Мне бы рублик в долг... дней на пяток... Верьте...

– Ну уж это извините, майор... Насчет напитку, сами знаете, я вам завсегда оказываю кредит, а чтобы деньгами... Уж не прогневайтесь, майор... Небось, сегодня вы и больше рубля собираете.

Майор молча приложился к козырьку и вышел на улицу.

Сперва он обходил лавки и собирал копейки. Много обошел он таким образом лавок и насбирал копеек сорок. А мороз крепчал, и майору становилось жутко от холода. Надо было согреться, и к полудню он зашел в закусочную, выпил еще стаканчик, съел порцию селянки, приготовленной бог весть из каких отбросов, и, обогревшись, снова вышел на улицу, рассчитывая «работать» теперь, обращаясь к проходящим, и при удобном случае заходить в квартиры.

Майор благоразумно избегал очень бойких улиц и шатался более по улицам глухим, где не бывало городских. Завидя какую-нибудь даму, майор не без достоинства прикладывал руку к козырьку и тихо, словно желая сообщить какой-нибудь секрет, говорил: «Отставному военному, мадам. Не откажите?»

Но дамы по большей части пугливо прибавляли шаги и озирались: нет ли поблизости городского. Что же касается до мужчин, то они как-то безучастно внимали и русским и французским фразам майора, и трагическим и комическим его обращениям. Таким образом, пробродив часа два, бедный майор собрал еще всего двадцать копеек, поданных ему одною купчихой и каким-то подвыпившим господином, которого майор абордировал фразой: «на сорокоушку [2], s'il vous plaît [3]», что, видимо, очень понравилось веселому господину, давшему майору целый гривенник. Вообще «работа» шла плохо. Погода стояла дьявольская, и некогда было подавать милостыню.

Майор начинал снова зябнуть и падать духом при мысли об елке. Он пробовал было обращаться к швейцарам, чтобы его пустили подать прошение, но швейцары не пускали и посмеивались над его костюмом и над его серьезным видом, полным чувства собственного достоинства.

Тем не менее майору удалось-таки проникнуть во двор одного большого роскошного дома, минуя дворников, прочитать на доске фамилии жильцов, войти с черного хода в большую, светлую, теплую кухню и, поклонившись дебелий, краснощекой «кухарке за повара» самым любезным манером, сказать с изысканною вежливостью, стараясь придать своему сиплному баску возможно нежное выражение:

– Осмелюсь, мадам, беспокоить вас вопросом: генеральша Тонкоусова изволит быть дома?

Несмотря на столь любезное обращение, «кухарка за повара», быстро оглядев и костюм и физиономию неожиданного посетителя, весьма сухо спросила:

– А вам зачем нужно генеральшу? По каким-таким делам?

– По своим собственным, к прискорбию... По семейным делам... Я имел честь прежде служить под начальством генерала и потому осмелился... Не извольте, мадам, сомневаться! Я... отставной офицер... майор от армии... ранен пулей в ногу... Болезнь довела меня до несчастья... Пятеро детей... последний малютка... Не откажите подать генеральше это свидетельство...

И с этими словами, кинув на кухарку быстрый взгляд, словно бы испытующий степень произведенного впечатления, майор вытащил из-за пазухи засаленное прошение, в котором собственноручно изложил свои боевые заслуги, наделив себя многочисленным семейством, и протянул бумагу к кухарке, видимо несколько смягчившейся после красноречия майора.

– Напрасно только докладывать! – проговорила она. – Наша генеральша без рекомендации никому не подает.

Майор не без трагизма указал правой рукой на свою деревяшку и произнес с горькой усмешкой:

– А это разве не рекомендация?!

И, выдержав паузу, прибавил:

– Доложите, мадам, будьте снисходительны к несчастному майору. Быть может, генеральша соблаговолит пожаловать рубликом...

– Ни за что! Она у нас карахтерная и чистый скаред! – с внезапным раздражением ответила кухарка. – Много-много двугривенный даст и то вряд ли. Вы подождите. Вот придет лакей. Он доложит...

Майор снова упал духом и думал уж уходить пытаться счастья в следующем этаже, как вдруг быстрый его взгляд заметил, что в жестяной лоханке, совсем близко от него, лежит целая куча серебряных ложек, ножей и вилок, предназначенных для мытья. И внезапная мысль осенила майора.

«Две ложки совсем бы устроили его дело. Сбыть их можно за два рубля, и елка готова!» – пронеслось в его голове с быстротой молнии в то время, как он в мрачной позе трагического актера едва заметно подвигался к соблазнительной лоханке. Он испытывал и страх неудачи и сладкое волнение при мысли о радости мальчугана, и зорко наблюдал за кухаркой.

Прошла минута, другая, третья. Кухарка отвернулась. Майор в это мгновение страшно

закашлялся, и пара ложек была уже у него за пазухой, а сам он в почтительном отдалении от лоханки все в той же трагической позе.

Все обошлось благополучно. Кухарка ничего не заметила.

– Простите, мадам, еще слово: быть может, лакей не скоро придет? – осведомился наконец майор.

– Верно, гости. Он и торчит там...

– В таком разе уж лучше я завтра, с вашего позволения, приду, а сегодня в другие дома наведуясь... Позвольте вас чувствительно поблагодарить за готовность и пожелать вам всего хорошего в жизни. Adieu! [4]

Раскланявшись еще с большей любезностью, майор, надев картуз, вышел из кухни и не без некоторой тревоги прошел двор. Выйдя за ворота, он торопливо зашагал вдоль улицы, и, только очутившись на значительном расстоянии от большого дома, облегченно и радостно вздохнул, с торжеством победителя нащупывая в кармане будущую елку.

III

В седьмом часу майор вернулся в свою трущобу озябший, слегка выпивший и радостно взволнованный. На плече у него была небольшая елочка с красными бумажными обручами и розанами, а в большой суме, подшитой под пальто, лежало несколько свертков и полштоф водки.

При виде майора с елкой, квартирная хозяйка разинула рот – до того это было неожиданно и ни с чем несообразно. Она, впрочем, любезно разрешила майору убрать елку в своей комнате, чтобы порадовать мальчика неожиданностью.

– Кстати он и спит! – сказала она и прибавила: – Ишь ведь выдумали! Видно, майор, сегодня хорошо работали?

– Ничего себе... недурно! – не без гордости отвечал майор, вынимая свертки.

И вслед затем он приступил к уборке елки. Делал он это с самым серьезным и торжественным видом, весь погруженный в свое занятие. Хозяйка помогала ему, перевязывая нитками разные вкусные вещи, которые майор развешивал сам, стараясь придать елке пышный и элегантный вид.

– Ай да майор! Сколько накупил! – удивленно восклицала по временам хозяйка.

– Нельзя... Уж елка так елка! – весело замечал майор, не отрываясь от работы.

Наконец елка была убрана и свечи укреплены. Майор обошел елку со всех сторон и, видимо, остался доволен.

– Ведь хороша, Матрена Ивановна?

– Уж на что лучше, майор. Хоть бы генеральскому сыну! – одобрила хозяйка.

Майор зажег свечи и осторожно внес елку в маленькую свою каморку. Следом за ним квартирная хозяйка несла водку, колбасу, кусок ветчины и булки и все это расставила на маленьком трехногом столе, составлявшем главную мебель майорского помещения.

– Федя... вставай, братец! – будил майор своего товарища.

Ослепленный светом, мальчик встал и, протирая глаза, изумленный смотрел на маленькую елочку, горевшую огнями и убранную десятком яблоков, копеечными пряниками, мармеладом, золотыми орехами и разными дешевыми украшениями.

Мальчику казалось, что он во сне, и он стоял около елки, словно очарованный, не смея к ней подойти.

Майор любовался и восхищением мальчика и произведением своих рук.

– Я обещал тебе елку, Федя... Ну вот она и есть! – проговорил радостно майор, и в голосе его звучала бесконечная нежность...

Мальчик пришел в неописанный восторг. Приблизившись к елке, он жадными блестящими глазенками оглядывал ее во всех подробностях.

– Да ты ешь, Федя... Что хочешь ешь... Все – твое! – говорил майор, поднося Матрене Ивановне стаканчик.

Мальчик не заставил себя просить и стал уписывать за обе щеки и сладости, и ветчину, и колбасу, не особенно заботясь о последовательности.

В не меньшем восторге был и майор. Он довольно скоро распил с Матреной Ивановной полштоф и любовно поглядывал на своего товарища и на елочку, осветившую радостным светом их убогую каморку и горемычную жизнь.

1880

1

Эспаньолка – короткая остроконечная борода.

2

Сорокоушка (устар.) – бутылка водки, составляющая 1/40 часть ведра.

3

пожалуйста (франц.)

4

До свиданья! (франц.)